

Е.В. Жаринов

ПРОРОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО МАГИСТРА ТАМПЛИЕРОВ

[illegible]

История – это интересно!

История – это интересно!

Евгений Жаринов

**Пророчества великого
магистра тамплиеров**

«Этерна»

2013

УДК 94(4)
ББК 63.3

Жаринов Е. В.

Пророчества великого магистра тамплиеров / Е. В. Жаринов —
«Этерна», 2013 — (История – это интересно!)

ISBN 978-5-480-00275-1

Тамплиеры – западный рыцарский орден. Они были монахами и воинами, а затем стали финансистами, банкирами и надежно вошли в ряды мирового закулисья. Тамплиеры и масоны. Связаны они между собой или нет? Именно тамплиеры создали мировую банковскую систему. В их сокровищницах хранилась даже корона английского монарха. Были целые государства, например, Португалия, которыми управляли короли-тамплиеры. Почему же Филиппу Красивому удалось разгромить этот орден? Может быть, все было заранее спланировано? И несметные сокровища рыцарей просочились сквозь пальцы короля, как песок. Куда уплыли корабли с сокровищами, заранее перевезенными из Парижа в Порт Ля-Рошель? Говорят, что чуть ли не в Америку, а некоторые считают, что этой страной стала Шотландия – родина масонов, откуда и берет свое начало Просвещение.

УДК 94(4)
ББК 63.3

ISBN 978-5-480-00275-1

© Жаринов Е. В., 2013
© Этерна, 2013

Содержание

I. Пролог	5
II. Въезд в париж	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Евгений Жаринов

Пророчества Великого Магистра тамплиеров

I. Пролог

Да! Есть места, есть места на земле, которые влекут к себе, погружая душу в летаргический сон. Кажется, здесь и только здесь Высшие силы напрямую общаются с человеком. В каждой стране есть такие места. В Германии – это гора Хартц, где Гете вместе с Мефистофелем устроил для своего Фауста Вальпургиеву ночь, во Франции – южные провинции Лангедока, место жизни и гибели знаменитых катаров, в Англии – Стоунхендж и озера Шотландии.

Откуда исходит мощь этих мест? Наверное, в подобных уголках земли сама Красота сводит с ума каждого, кто хотя бы на мгновение захотел превратиться из добропорядочного господина в созерцателя, а следовательно, в язычника, боготворящего неожиданно раскинувшегося перед ним леса, поля, реки или озера Шотландии.

Но не о Шотландии пойдет сейчас речь. К этому месту мы еще придем по мере нашего повествования. История начинается во Франции, там, где и родился Великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле, воин, мистик, пророк.

Когда бредешь по кладбищу, то постоянно натыкаешься на даты жизни и смерти тех, кто лежит сейчас под этими плитами. Сколько лиц! Пройдет еще мгновение, и все они исчезнут из памяти: ненужные лики, навсегда растворившиеся в земном чреве. Никогда не появятся им вновь из этой глины, из которой великий Скульптор лепит носы, подбородки, брови, никогда не обрести им прежних знакомых черт.

Другое дело – жизнь пророка. В начале XIV века не писали портретов, и как выглядел де Моле, мы не знаем, но бессмертная тень его в этом не нуждается. Прах к праху, как говорится, а вечное пребывает в вечном. Если сравнить начало XIV и конец XIX века, то это и будет вечность, и ноша сия оказалась по плечу старому, измученному пытками Магистру. А раз так, то рассказ наш следует начать с того, что мы опишем, как сельский священник уже в конце XIX века, оказавшись в одном из упомянутых нами заколдованных мест, что можно было отыскать на юге Франции, занялся раскопками и в суетном любопытстве своем потревожил Тайну.

А началось все так.

Первого июня 1885 года в деревушке Ренне-ле-Шато появился новый, тридцатитрехлетний приходской священник по имени Беранжер Соньер. Был он высокого роста, сутуловат, с черными выющимися волосами и глубоко посаженными карими глазами. Когда Соньер слушал кого-нибудь, то его тонкие, как две ниточки, губы постоянно растягивались в застывшую полуулыбку. Деревушка насчитывала всего двести душ и располагалась непосредственно у Пиреней, недалеко от Каркасона. Настоящая дыра, куда Соньера, несмотря на ум и таланты, которые он выказал еще в духовной семинарии, сослали за дерзкий нрав и непокорность. В представлении местных крестьян все усилия религии сводились к тому, чтобы наполнять небесные сундуки, заставляя прихожан раскошелиться, выкачивать деньги из их карманов. Религия напоминала местным фермерам огромный торговый дом, где кюре являлись приказчиками, хитрыми, пронырливыми, оборотистыми, и обдeldывали дела Господа Бога за счет простых людей. Для молодого человека с амбициями оказаться в такой дали от цивилизации означало лишь верную духовную смерть. У Беранжера была прекрасная перспектива раствориться в этих местах, погибнуть в безвестности, благо виноградники были отменными, а мягкий теплый климат и жирная плодородная земля, которая по весне испускала дурманящий запах трав и в

которой уже в апреле вызревала клубника, располагали к безделью и опасному для молодого пытливого ума благодушию. Спасло Соньера то, что он сам был родом отсюда и к подобным соблазнам привык уже с детства. В этих местах он охотился и рыбачил с младых ногтей и знал все про одурманивающую душу истому. Каждое воскресенье Соньер взял за правило проводить на реке, и каждое воскресенье, посвященное рыбалке, встречал молодой священник на одном и том же месте другого рыболова, аббата из соседнего прихода Анри Буде, маленького, худого, подвижного и вечно небритого старичка. Часто проводили они по полдня, сидя рядом с удочкой в руке, свесив над водой ноги, и скоро между ними возникла тесная дружба.

Бывали дни, когда они совсем не разговаривали. Иногда же беседовали, но чудесно могли понимать друг друга и без слов, так как у них были общие вкусы и близкие переживания.

Весною, по утрам, часов в десять, когда помолодевшее солнце поднимало над рекою легкий пар, уносящийся вместе с водою, и славно припекало спины, Соньер порою говаривал соседу:

– А? Какая теплынь?

На что Буде отвечал:

– И не говорите. Славно душу греет.

И этих двух фраз им было вполне достаточно, чтобы понимать и начать уважать друг друга.

Осенью, к концу дня, когда небо, окровавленное заходящим солнцем, отражало в воде очертания пурпурных облаков, заливало багрянцем всю реку, воспламеняло горизонт, освещало красным светом обоих друзей, придавая их лицам особое выражение, Соньер, глядя на Буде и не узнавая его, говорил:

– Каково, а?

И маленький, небритый кюре, также удивляясь в душе преображению своего друга, лишь кивал головой в знак согласия и еле слышно спрашивал:

– Что с вами, дорогой Соньер?

– А с вами? – отвечал ему тот.

Багрянец и золото в такие дни напоминали колорит старых мастеров. Казалось, еще немного, и в воздухе запахнет олифой, а позлащенные листья издадут характерный шелест настоящего металла алчных алхимиков. Казалось, весь мир сейчас чудесным образом расположился в тигле оккультиста, а осеннее солнце, столь преобразившее все вокруг, – это пламя горелки...

Друзья знали, что земля Каркасона таит в себе опасный соблазн души: где-то по соседству, в районе тех же Пиреней, как раз в это время прошел громкий процесс, в котором высшие церковные власти осудили трех братьев священников. Под влиянием своего родного места, носящего название „Вдохновенный холм“, они впали в ересь и стали совращать с пути истинного вверенную им паству. Братья Байяры учили молиться некой черной Деве, богине древних вестготов, храм которой находился в их родных местах. Беранжер Соньер узнал о злополучных братьях из разговоров со своим другом аббатом. Это он рассказал Соньеру не только о братьях Байярах, но и о многом другом. Анри по праву можно было считать старожилом. За многие годы, проведенные близ Каркасона, старый кюре изучил почти всю историю края. Сидя с удочкой на реке, он часто видел, как отражаются в ее водной глади не только пурпурно-красные осенние облака, но и силуэт башни замка тамплиеров, что возвышался на соседнем холме и в ярких лучах заходящего солнца казался матово-черным.

Вот так и случилось, что старый священник, словно забываясь, в коротких и немногословных беседах во время рыбалок поведал молодому брату по вере о живших когда-то в этих местах катарах, о замке Бланшфор, основанном еще в XII веке и ставшем резиденцией четвер-

того Великого магистра ордена, рассказал и о том, что именно по этой долине проходил когда-то путь паломников, которые шли из Северной Европы через Пиренеи в Испанию, в святой город Сантьяго-де-Компостела. Друзья понимали, что им надо сказать друг другу что-то очень важное. Их переполняло желание поговорить начистоту. Они были священниками, и исповедь считалась частью их профессии, поэтому спелая гроздь желания излить душу во что бы то ни стало, охраняемая еще тонкой кожей приличий и церковных запретов, должна была вот-вот лопнуть под натиском переполнявших их души впечатлений. И вот пробил час!

В тот июньский день 1891 года Буде пригласил к себе Соньера и специально под разными предложениями задержал у себя своего молодого друга.

Все произошло вечером, после неожиданно налетевшей грозы. Перед самым закатом разъяснилось. Лучи сквозь окно проникли в комнату и залили ее своим необычным светом, коснулись двух рюмок, так и оставшихся недопитыми стоять на обеденном столе, и сделали их янтарными. Умолкнувший во время грозы мир за окном вновь наполнился звуками, и воздух стал свежим и прохладным, словно из склепа. За столом тем временем воцарилось неловкое молчание. Следовало либо разойтись, либо продолжить явно затянувшуюся беседу.

– Давайте говорить откровенно, – начал аббат.

– Начистоту, – согласился Соньер и почувствовал, как дрожь нетерпения прошла по всему его телу.

– Вы, наверное, сами уже успели почувствовать, что наши места не совсем похожи на все то, что мы можем встретить повсюду в милой доброй Франции?

– Еще как почувствовал, дорогой Буде.

– Помните, я совсем недавно рассказывал вам о несчастных братьях Байярах.

– Отлично помню. Они молились черной Деве на своем Вдохновенном холме.

– Абсолютно верно. А откуда, по-вашему, исходит представление о Богородице?

– Первой, известной в Европе, была черная кельтская Богородица.

– Вы правы. Когда в молодости святой Бернар молился перед черной Богородицей, то его, в отличие от братьев Байяров, никто не придавал анафеме. Святой молился кельтской богине в церкви Сен-Вуарля, и она выдавила из груди три капли молока, которые скатились на уста будущего основателя ордена тамплиеров. И заметьте, именно Бернара великий Данте помещает в „Божественной комедии“ в раю, в центре Розы. А при этом ересь присутствует в самом основании нашей католической церкви, во всей ее истории, и ересь эта родом из здешних мест.

– Я боюсь за вашу душу, дорогой Буде. Не слишком ли вы увлеклись подобными рассуждениями?

– Кого вы хотите обмануть, дорогой Соньер? Я же чувствую, что эти мысли посещали и вас. Уж больно хорошо мы научились понимать друг друга во время наших речных месс. Сколько мы пропустили при этом служб в церкви, а?

– Да, но вы сами знаете, дорогой Буде, что крестьяне – плохие прихожане. Не служить же, в самом деле, в пустом храме, когда на улице такая благодать?

– Не думаю, что подобные речи пришлись бы по душе епископу.

Тема, затронутая Буде, явно была не из приятных. Каждый из приятелей знал, что, предпочитая рыбалку службе, он нарушает принятые правила, но говорить об этом не очень-то хотелось. После неловкой паузы Буде продолжил:

– Впрочем, я не вижу здесь ничего плохого, дорогой Соньер. Вам никогда не приходило в голову, что это и не рыбалки вовсе, а обряд, который мы совершаем помимо своей воли? Помните легенду о „короле-рыболове“?

– Это что-то связанное с поисками Святого Грааля, да?

– Я так и знал, что вы осведомлены в подобных вопросах и читали „Парсифаля“ Вольфрама фон Эйшенбаха. Может быть, не будем разыгрывать друг перед другом святую инкви-

зицию, а перейдем сразу к делу? – заключил маленький аббат и озорно подмигнул своему собеседнику.

– Что вы имеете в виду, дорогой Буде?

– То же, что и вы, дорогой Соньер. Мы с вами прекрасно осведомлены о том, что это место было резиденцией катаров и тамплиеров.

– Да, вы мне уже поведали об этом на реке.

– Мы посвященные, Соньер, мы сорвали покрывало Изиды. Лучше быть зубом, чем травинкой. Вот мой девиз.

Эти слова в устах маленького кюре прозвучали диссонансом всей его внешности, и Соньер не мог удержаться от улыбки. Буде заметил реакцию на свои слова, но нисколько не смутился:

– Я предлагаю свалиться в бездну. Я предлагаю отдаться тому, что давно уже влечет нас к себе. Посмотрите, посмотрите только на эту башню!

На небе к этому времени появилась огромная луна и осветила всю окрестность. В серебряном свете мрачные силуэты замка Бланшфор, казалось, приобрели еще больше таинственности.

– Именно здесь жил один из Магистров. Копните только, и вы обнаружите в этих землях не христианские святыни, а памятники вестготов и бог его знает чего еще.

– Нельзя ли, дорогой Буде, поподробнее рассказать мне об этих тамплиерах? – примитивным тоном произнес Соньер, не в силах оторвать глаз от таинственного силуэта башни, что возвышалась на соседнем холме.

– Охотно. Начало истории известно абсолютно всем. Существовал Первый крестовый поход. Балдуин стал первым королем Иерусалима. И вот, в 1118 году сюда прибывают девять человек под предводительством некоего Хуго де Паэна и формируют ядро нового ордена Нищих рыцарей Христа; орден монашеский, но с мечом и в доспехах. Им присущи три основные монашеские заповеди: нестяжательство, целомудрие и послушание, к которым добавилась защита паломников.

– Но кто такой этот Хуго де Паэн? – вмешался Соньер.

– Своевременный вопрос, мой друг. Можно сказать, что Хуго был из здешних мест.

– Неужели?

– Да, он родом из Шампани. После возвращения из Иерусалима крестоносец вступает в контакт с аббатом Сито и помогает ему в монастыре начать чтение и перевод некоторых древнееврейских текстов. Подумать только, раввины из Верхней Бургонии были приглашены в Сито к белым монахам-бенедиктинцам, и кем? Самим святым Бернаром, чтобы изучать тексты, которые Хуго нашел в Палестине. Видите, как все переплетено в нашей истории. В ней нет четких границ. Впрочем, это же самое мы наблюдаем и в природе. Сидишь с удочкой, ловишь рыбку в свое удовольствие, а на самом деле в сердце своем предаешь мать нашу, Римско-католическую церковь.

– Вы же сами сказали, что тамплиеры были монашеским орденом. Бернар и покровительствовал им. Ведь они отправились воевать Гроб Господень.

– Верно, только монахи эти вели себя довольно странно. Известно, что когда посланник дамасского эмира посетил Иерусалим, тамплиеры предоставили ему для молитв небольшую мусульманскую мечеть, переделанную в христианскую церковь. Однажды туда вошел какой-то франк. Возмущенный присутствием в святом месте мусульманина, он принялся оскорблять его. Однако тамплиеры прогнали брата по вере, проявившего подобную нетерпимость, и принесли свои извинения мусульманину. Такая лояльность по отношению к врагу в конечном итоге сослужила им плохую службу, поскольку в дальнейшем их, кроме всего прочего, обвиняли в связях с тайными сектами мусульман.

– Наверное, в этом есть своя правда. Тамплиеры не имели возможности получить основательное монастырское воспитание, – решил высказать свою догадку Соньер.

– Абсолютно верно. Я рад, что вы понимаете меня. Разум тамплиеров, воинов-монахов, не мог уловить некоторых теологических тонкостей Лоуренса Аравийского, и вскоре рыцари даже стали надевать на себя легкую шелковую одежду шейхов. Однако проследить за их деятельностью в этот период представляется довольно трудным делом, поскольку христианские историографы, такие как Гийом де Тир, не упускали ни единой возможности, чтобы очернить их. Ясно одно, тамплиеры в своих поисках истины отклонились от догм и вступили на весьма опасную почву мистицизма. Возьмем, к примеру, все ту же черную Богородицу. Великий Фулканелли решил по-особому прочесть иконы в соборах, принадлежащих ордену, и пришел к удивительному заключению: для него стала совершенно очевидной связь между кельтской Богородицей и алхимическими изысканиями. Черная Богородица символизирует собой начало, над поисками которого трудились те, кто искал философский камень...

После разговора с Буде Соньер решил сам посмотреть на знаменитую черную Богородицу, о которой так много говорил аббат. Дождавшись подходящего момента, он сел в поезд и отправился к Вдохновенному холму. Отсутствовал Соньер около месяца. По возвращении домой он сильно изменился: помрачнел и перестал даже ходить на рыбалку, зато его часто видели в лесу и в других глухих местах Ренне-ле-Шато. Крестьяне рассказывали, что их кюре мог подолгу стоять у какого-то камня, на котором еще была заметна полустершаяся надпись. Священник завел знакомства со стариками-фермерами и полюбил расспрашивать их о далеком прошлом. Соньер стал носить с собой книжку, чтобы записывать туда услышанные предания. Он по-прежнему навещал своего друга аббата. Друзья читали старые полуистлевшие манускрипты и о чем-то жарко спорили.

Но чем бы ни занимался Соньер, как далеко ни уходил от своего дома в поисках неведомого, он почти всюду мог видеть колокольню своей церкви Марии Магдалины. И в самом деле: каждая часть приходского храма, открывавшаяся наблюдательному взору, отличалась от всякой другой постройки Ренне-ле-Шато, включая и величественный замок Бланшфор. Глядя на колокольню, Соньер и Буде в былые времена, сидя с удочками на берегу в час заката, мысленно сливались со шпилем и в блаженстве улыбались старым потрескавшимся камням. Они знали, что в следующий раз их ждет чудо. И чудо неизменно свершалось, но уже во время другой рыбалки, когда клев приходился на утреннюю зорьку. Этого мига рыбаки ждали с нетерпением и заранее занимали места на берегу реки, как в партере театра, не обращая внимания даже на мокрую от утренней росы траву. Казалось, что два приятеля лишь делают вид, будто удят рыбу, а на самом деле пытаются обмануть неведомое божество своим напускным равнодушием. В такие минуты они не обращали внимания на поплавки, и караси, щуки, налимы могли спокойно закусывать их жирными червями, выделяющими умиротворяющие фигуры в воде, напоминая своими движениями нестройные и очень нервные звуки оркестра перед тем, как дирижер взмахнет палочкой. Итак, они не ловили рыбу, а сидели и ждали. Ждали, когда солнце начнет золотить самый шпиль колокольни. И это было подобно первой робкой ноте. Она еще не предвещала ничего необычного, словно смычком тронули струну старой виолы – и больше ничего. Но червь замирал на крючке, рыба застыла в воде с открытым жадным ртом, и начиналось представление. Уже этого звука было достаточно для опытного музыканта. Он был подобен первому жесту творения, тяжелому вздоху Бога, размышляющему о том, что должно вот-вот появиться на свет. Поначалу солнце освещало лишь самую верхнюю часть колокольни, но вот древние тяжелые камни постепенно начинали вступать в солнечную зону, и казалось, что смычок Мастера уже не робко, а уверенно, со знанием дела касался струн старой виолы, и, сделавшись легче света, камни колокольни мгновенно теряли всю свою тяжесть и взлетали – и

в следующий миг были уже высоко-высоко, словно голос, запевший фальцетом и неожиданно взявший целой октавой выше.

Вряд ли Соньер мог объяснить даже самому себе, почему он решил заняться реконструкцией старого храма, заложенного еще вестготами в VI веке. Скорее всего, церковь сама потребовала от священника чего-то подобного, решив приоткрыть людям Тайну, которая заставляла ее петь при каждом восходе солнца. Как бы там ни было, но работы начались.

Они начались еще в 1891 году, но лишь 3 марта 1892 года в три часа пополудни Тайна дала знать о себе. К этому времени Соньеру удалось подпереть крышу ветхого храма, что позволило сдвинуть алтарную плиту, покоившуюся на двух балках. Тут кюре и заметил, что одна из балок была слишком уж легкой. Она оказалась полой внутри. Священник через небольшое отверстие просунул туда руку и извлек четыре опечатанных деревянных цилиндра. В таких футлярах обычно хранили пергаментные свитки. Убедившись, что за ним никто не следит, Соньер спрятал находку в складках одежды и устремил стопы свои к дому. Оказавшись у себя, священник наложил на дверь тяжелый засов, закрыл ставни, затем зажег свечу и дрожащими руками взломал первую печать.

Уже с утра аббат Анри Буде чувствовал себя не в своей тарелке. В тот момент, когда Соньер начал вскрывать первую печать, Анри совершал свой обычный моцион перед обедом, и вдруг острая боль пронзила грудь. Буде почувствовал себя вздернутым на дыбе, при этом создавалось такое ощущение, будто на лицо ему набросили влажную тряпку. Аббат в бессилии прислонился к дереву.

Соньер не знал, что происходит с его другом в данный момент, и продолжал трудиться над сургучом.

Буде все-таки удалось доползти до дому. На пороге его встретила экономка и, увидев побледневшего кюре, начала суетиться. Она помогла аббату подняться на второй этаж и уложила его в постель.

– Не хотите ли вы чего-нибудь? Быть может, вам дать бульону?

– Бульон? О нет!

– Тогда, может быть, налить вам вашего лекарства?

– Нет, я боюсь лекарств. Принесите лучше подушку с хмелем и пошлите за доктором.

Экономка вернулась через минуту с подушкой, набитой хмелем, и положила ее под голову Буде. Затем она пошла за доктором.

Первые два свитка не представляли собой ничего особенного. Это оказался генеалогический список семьи Бланшфоров, который начинался с 1244 года. Соньер занялся следующим футляром.

А к старому Буде в это время пришел доктор. При виде врача аббат закашлялся, и на платке выступила кровь. Доктор покачал головой и принялся осматривать больного. Носу Буде заострился, под глазами показались тени, а лоб покрылся мельчайшим потом.

Наконец Соньер взломал еще одну печать. Этот пергамент был написан на латыни и начинался с какой-то цитаты из Нового Завета. Но вдруг правильный текст прервался, и строки стали налезать одна на другую, слова были написаны без разрядки. Эти каракули заканчивались арабскими цифрами.

После осмотра больного врач вышел вместе с экономкой в коридор.

– Он очень плох, – сказал вполголоса лекарь, кивая на дверь спальни. – Моя помощь здесь не понадобится. Лучше бегите за священником.

Экономка никак не ожидала такого заключения. Она даже вскрикнула, но тут же зажала рот руками. Старая женщина была очень предана своему кюре. Она проводила доктора до двери, а затем решила вернуться к умирающему.

Соньер вскрыл последний из найденных футляров и развернул пергамент. Он также был составлен на латыни. При этом некоторые из букв специально были выведены выше основной строки. На них-то Соньер и обратил внимание. Постепенно буквы сложились в следующую фразу: „Это сокровище принадлежит Дагоберу II и Сиону, и там оно погребено“.

„Черт побери этих лекарей, – ругалась про себя экономка. – Только и могут, что выносить смертный приговор. А человек просто устал. Отлежится и вновь завтра на ногах будет“.

– Кто там? Дайте свету побольше! Это вы, госпожа Лоране?

– Я, господин аббат. Сейчас принесу большой подсвечник.

Буде видел, как в трясущихся руках служанки начали загораться свечи.

– Поставьте здесь и идите, – приказал умирающий.

Вдохновленный успехом, Соньер вновь решил вернуться к предыдущему пергаменту. Написанная на латыни абакадабра напоминала шифр. Поначалу следовало разбить текст на слова и переписать их в соответствии с правилами орфографии. Но и эта процедура не принесла успеха. Тогда Соньер обратился к цифрам и стал подсчитывать частотность определенных букв. Числа соответствовали тем, что в определенном порядке были вынесены в самый конец. Аббат распределил выделенные буквы так, как это было указано в ключе. В результате получилось следующее: „„Пастухи“ и ни каких „Соблазнов“, чьи Пуссен и Тенирс держат ключи. Мир DCLXXXI (681), крестом и конем божьим, Я завершаю или заклинаю этого демона, хранителя полдня. Голубые яблоки“. Соньер смог наконец оторваться от работы и посмотреть на часы. Была уже глубокая ночь, и тревожить Буде в такой час не имело смысла: пускай старик спокойно поспит до утра... За окном поднялся сильный ветер, и вновь, как всегда в таких случаях, закрипел старый дуб во дворе. Забыв даже помолиться, Соньер как убитый свалился в постель, решив отложить все до лучших времен.

Буде вздрогнул, и кровь хлынула у него из горла, заливая белье. В первый момент он испугался, но тотчас же почувствовал чрезвычайное облегчение: „Вот хорошо...“ Он успел подумать с любопытством: „А как выглядит моя смерть. Смерть священника. Ведь у каждого она разная?“ – и увидел ее немедленно. Она вбежала в комнату, в монашеском головном уборе, и сразу размашисто перекрестила Буде. Он с величайшим любопытством хотел ее рассмотреть получше, но ничего уже не видел более, только мелькнула напоследок ослепительно-яркая полоса реки, словно в жаркий летний полдень, да затрещали кузнечики в траве, а затем все стало светлым-светлым.

Разбудил Беранжера Соньера оглушительный грохот. Но прежде чем воспринять этот грохот как простой стук в дверь, производимый слабой женской рукой, Соньеру следовало совершить немалое усилие над собой и вырваться из объятий утреннего кошмара, как вырывается на поверхность воды пловец, решившийся нырнуть как можно глубже за причудливой раковиной, показавшейся на самом дне человеческого „я“. Привиделось священнику, будто старый Буде лезет по высокой лестнице на крышу собственного дома, а лестница тем временем все вытягивается и вытягивается, становится все выше и выше, как лестница Иакова. И вот плеч старого друга уже коснулось легкое облако, и луч солнца позолотил его голову. Затем взор Соньера вновь спустился к земле, и он увидел у самого основания лестницы фигуру рыцаря с

длинной бородой и с такими же длинными прядями седых волос. На рыцаре поверх кольчуги была грубая холщовая накидка белого цвета с вышитым на груди и спине красным крестом. Неожиданно рыцарь повернулся к Соньеру, освободил одну руку и сделал соответствующий жест, приглашавший священника последовать за его другом на небо. Беранжер почувствовал, как ужас сковал все его тело. В одно мгновение небо помрачнело, синие молнии заходили среди туч, подул ветер, который перешел в самый настоящий шквал, сверху раздался крик падающего Буде, а лицо Магистра исказилось гневом, и с каждым новым раскатом грома оно становилось все ужаснее и ужаснее. Гром тем временем нарастал... И тут Соньер почувствовал облегчение. Он вдруг понял, что хозяин сцены не Магистр, а он, Беранжер Соньер, и что в любую минуту в его власти прекратить всю эту фантазмагорию. Дело в том, что в грозных раскатах грома Беранжер, обладая тонким музыкальным слухом, уловил легкую фальшь: в потустороннем грохоте ударных в оркестре угадывался звук неожиданно захлопывающейся от резкого дуновения ветра двери. В интонациях мертвого звука вдруг слышались оттенки звука живого и вполне реального. Соньер вздохнул с облегчением и наконец-то смог, хотя и с трудом, разлепить тяжелые веки, будто кем-то смазанные накануне медом. Раскрыв широко глаза, он понял, что громовые раскаты – это настойчивый, хотя и не очень громкий, стук в дверь. Накинув халат, священник спустился вниз. На пороге его встретила какая-то женщина. Мартовский день еще только появлялся на свет сквозь густую пелену холодного тумана. Соньер никак не мог понять, в чем дело и почему эта женщина, словно посланец с того света, вся, будто саваном, окутанная пеленой тумана, сейчас стояла на пороге его дома. С трудом он начал вслушиваться в то, что она говорит, и сквозь всхлипывания наконец разобрал смысл: ночью его друг аббат Анри Буде отдал душу Богу.

Халат от неожиданности распахнулся, и женщина увидела несвежее белье молодого служителя церкви. Вновь потеряв всякое ощущение реальности, Соньер принялся снова из угла в угол, бормоча при этом бессвязные слова, а бедная женщина, выполнившая прискорбную миссию вестника из трагедии эпохи классицизма, от смущения, горя и недоумения буквально застыла на пороге дома, готовая вот-вот, как супруга Лота, превратиться в соляной столб.

Итак, священник ходил из угла в угол, а экономка покойного стояла и смотрела на этот живой маятник, боясь произнести хоть слово.

С этого момента призрак аббата Буде стал частым гостем в доме Беранжера Соньера.

Прошло еще несколько месяцев, и Беранжер Соньер, чувствуя, что сходит с ума, отправился на исповедь к епископу города Каркасона, захватив с собой найденные в церкви Марии Магдалины пергаменты.

II. Въезд в париж

Тайна, на которую случайно наткнулся Беранжер Соньер и которая чуть не стоила ему рассудка, своими корнями уходила в далекое прошлое. Чтобы хоть как-то приблизиться к ней, мы должны из века XIX, где застигли нас все вышеупомянутые события, перенестись в век XIV, дабы понять, что удалось раскопать бедному каркасонскому священнику, чей дом стал посещать призрак внезапно скончавшегося друга.

Когда мир был на шесть веков моложе, то обитатели Земли образца XIV века вполне могли сойти за инопланетян. Жизнь человека в ту эпоху была настолько призрачна и мимолетна, что даже не заслуживала серьезного внимания, и поэтому городское кладбище было и местом свиданий, и местом развлечений, и местом деловых встреч. Никого при этом не смущал смрадный запах, исходящий из открытых братских могил. Проститутки искали здесь богатых клиентов и находили их, влюбленные целовались и объяснялись в любви. Могилы не зарывали потому, что невыгодно было. Трупы привозили сюда почти без перерыва. Места не хватало, и поэтому приходилось отрывать уже старые захоронения, сваливая груды костей в кучу. И подобное зрелище никого не смущало. *Memento mori* – помни о смерти! Вот девиз эпохи. Находились святые, которые добровольно замуровывали себя в маленьких кельях на кладбище, оставляя лишь небольшое отверстие для воздуха и жалких подачек, дабы подольше продлить собственные страдания. Сам король назначил что-то вроде жалованья для двух отшельниц, поселившихся таким образом на кладбище Невинно убиенных младенцев в Париже.

Зато человек в ту эпоху не знал, что такое одиночество. Начиная с рождения и до самой смерти он был включен в жизнь общины и принадлежал либо к цеху ремесленников, либо к купеческой гильдии, либо к рыцарскому ордену, либо к монашескому братству. Никогда человек не чувствовал себя одиноким, и не было у него возможности хоть чуть-чуть побыть одному. Даже в спальне нельзя было укрыться от любопытных глаз. Богатые и благородные супруги предпочитали проводить ночи в компании со своими слугами, детьми и собаками, которых любили не меньше, чем детей. Вечерний лай или вой собак средневековый человек истолковывал с невероятным искусством, пытаясь предугадать в этих звуках свою судьбу. Как мы видели, даже на кладбище мертвых активно включали в жизнь живых. И смерть не давала уединения. А если покойник был грешен, то его вполне могли достать из могилы и наказать как живого. Так, голова мэтра Одара де Бюсси по особому повелению Людовика XI была извлечена из могилы и выставлена на рыночной площади Эдена, покрытая алым капюшоном, отороченным мехом. Мир загробный и мир реальный существовали бок о бок и не имели границ. Когда Франциск Ассизский появился в папском дворце, дабы передать устав своего монашеского ордена, то понтифик к этому часу уже успел скончаться. Вручать бумаги было некому. Но святой приказал вложить пергамент в руку покойного, произнеся при этом: “Разве, скончавшись, он разучился читать?” Можно сказать, что уединение в описываемую эпоху было знакомо лишь отшельникам. Но отшельниками становились немногие, хотя среди них могли быть не только бедные монахи, но и кающиеся короли, и рыцари, и даже купцы.

Та или иная корпорация, цех, братство или орден несли полную ответственность за каждого своего члена. Его грех становился общим грехом, его святость – общей святостью, а при внезапной смерти именно община брала на себя ответственность за жизнь вдовы и ребенка. Великий Данте до конца дней своих так и остался членом цеха аптекарей славного города Флоренции и, говорят, очень гордился этим званием.

Это чувство единения подкреплялось еще и общим религиозным чувством. Всех объединяло одно – жизнь Христа. Его жизнь и становилась тем образцом, тем эталоном, которому следовало подражать в каждом, даже самом малом проявлении повседневности. Так, Генрих Сузо за трапезой, когда он ел яблоко, обыкновенно разрезал его на четыре дольки. Три он съе-

дал во имя Св. Троицы, четвертую же посвящал “дитятке Иисусу” и посему оставлял эту дольку с кожурой, “ибо малые дети едят яблоки неочищенными”. В течение нескольких дней после Рождества четвертую дольку и вовсе оставляли в покое, так как младенец Иисус в это время был еще совсем мал, чтобы есть яблоки. В этот период четвертая, неочищенная долька оставалась нетронутой за каждой трапезой и посвящалась Деве Марии, “дабы через мать яблоко досталось сыну”. Но это еще не все. Любое питье Генрих Сузо старался выпить в пять глотков, по числу ран на теле Господа нашего. И всегда следовало сделать в конце двойной глоток и почтить тем самым рану в боку Иисуса, откуда истекала и кровь, и вода.

Жизнь была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным, между Богом и дьяволом. Например, церковь издавна поощряла почитание телесных останков святых, и монахи монастыря Фоссануовы, где умер Фома Аквинский, из страха, что от них может ускользнуть бесценная реликвия, обезглавили, выварили, препарировали тело своего покойного учителя, дабы ни один кусочек святой плоти не ушел на сторону. До того как тело скончавшейся Елизаветы Тюрингской было предано земле, толпа ее почитателей не только оторвала и отрезала частички плата, которым было покрыто ее лицо; у нее отрезали волосы, ногти и даже кусочки ушей и соски. По случаю торжественного празднества Карл VI раздал ребра своего предка, св. Людовика, высокопоставленным гостям и двум своим дядьям, герцогу Беррийскому и Бургундскому. Несколько прелатов получили ногу. После пиршества они принялись к разделу конечности почитаемого святого. В повышенной религиозности в ее абсолютном доминировании даже в обыденной жизни словно скрывалось тайное богохульство. Уже в XIV веке в ходу были распространены статуэтки Девы Марии, которые представляли собой вариант старинного голландского сосуда. Это была маленькая золотая фигурка, богато украшенная драгоценными камнями, с распахивающимся чревом, внутри которого можно было видеть изображение Троицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.